

*Александр
Тамоников*

**ДОРОГА
ОСОБОГО
ЗНАЧЕНИЯ**

*Москва
2023*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Дорога особого значения / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ
Сталина).

ISBN 978-5-04-180274-5

Германское командование разрабатывает план диверсии на Транссибирской магистрали, снабжающей советские войска. Главной действующей силой акции должны стать заключенные сибирских лагерей. Подбить эзков на восстание поручено осевшим в тех краях «спящим» агентам абвера. Узнав о готовящейся операции немцев, руководство СМЕРШа направляет в один из лагерей старшего лейтенанта Игната Раздабарова и лейтенанта Афанасия Лыкова. Под видом заключенных они внедряются в преступную среду и начинают опасную работу по проверке уловленных авторитетов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180274-5

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

На передовую полковник Николай Звягин попал лишь в начале 1943 года. До этого дивизия, которой он командовал, находилась в резерве — далеко от фронта, в одном из уральских городков. В начале 1943 года дивизию Звягина отправили на передовую. Предстояло освобождать Украину от захватчиков. Вот туда-то, к украинским рубежам, и был направлен полковник Звягин вместе с дивизией.

С самого начала войны Звягин не горел особым желанием воевать — хотя и был кадровым военным. Его вполне устраивало то, что он находился в тылу. Здесь все было проще и понятнее, а главное, спокойнее. Здесь не стреляли, а атаки, контратаки и прочие маневры больше походили на игру, чем на реальные военные действия. Все это были учения, а учения — это всегда прелюдия к настоящим сражениям.

Ну, и пускай это будет прелюдия. Пускай такая прелюдия длится как можно дольше — хоть до самого конца войны. Он, полковник Звягин, ничуть против этого не возражал. Зачем ему

фронт, где стреляют и убивают? В тылу — оно спокойнее. Тем более что находился в тылу Звягин не по своей воле и прихоти, а таков приказ высшего командования, которому он обязан подчиниться. Так что никаких угрызений совести и прочих душевных терзаний полковник не испытывал. К чему угрызения и терзания? Приказано находиться в тылу — он и находится.

При всем при том трусом Звягин себя не считал. О, нет, какой же он трус? Если, допустим, завтра ему прикажут вместе с дивизией отправиться на передовую — он, разумеется, отправится. И будет воевать храбро, умело, как и полагается советскому офицеру.

Попав на фронт, свой первый настоящий бой полковник Звягин провел превосходно. Его дивизия должна была взять один из донбасских городов — и Звягин с честью выполнил приказ. Затем был другой донбасский городок и третий — и здесь Звягин также вышел победителем. И даже был представлен к боевой награде.

Ну, а коль так, то полковник очень скоро убедил сам себя в том, что он талантливый полководец, победитель, успешный освободитель родных земель от захватчиков и впереди его ждут другие военные успехи, а с ними — почет, слава, генеральское звание. А там, глядишь, война и закончится, и уж тогда-то он заживет как следует! В почете, уважении, достатке — как и подобает боевому генералу-победителю. Тем

более что война, судя по всему, и впрямь скоро закончится. Вон как наступают советские войска! По всем фронтам! А враг, соответственно, по всем фронтам отступает.

Так что не стоит горевать и печалиться, что он попал на передовую. Потому что если разобраться, то и на передовой можно ухватить удачу за хвост! И для этого здесь возможностей гораздо больше, чем в тылу. Что тыл? Там, конечно, безопаснее, но вместе с тем никаких особенных наград и почестей тебе не достанется. Фронт — другое дело! Тем более непосредственно в атаки ему не ходить. Его дело — командовать издалека, находясь в укрытии.

После нескольких успешных боев наступило затишье. Приказов освободить другие города пока что не было, и дивизия Звягина, таким образом, получила передышку. Ну а если дивизия переводит дух, то и ее командир имеет такое же право. Нет, конечно же, хлопот Звягину хватало и сейчас, но в перерыве между хлопотами выдавались и относительно свободные часы, и уж их-то Звягин старался проводить в свое удовольствие.

Он даже обзавелся походно-полевой женой! Одна юная, привлекательная телефонисточка по имени Катя хотя и не сразу, но прислушалась-таки к прозрачным намекам Звягина и согласилась на отношения. Да и кто мог бы устоять супротив Николая Звягина — статного

красавца, героя, полковника, а в скором будущем — генерала?

Так что если поначалу Звягин и сожалел о том, что попал на передовую, то вскоре его сожаление улетучилось, а взамен пришло чувство, которое можно было бы назвать самодовольством. Или — самоуспокоением. Или — той разновидностью беспечности, которая обычно присуща всем тщеславным, а оттого и не слишком умным и душевно слепым людям.

...Ну, а затем случился тот самый бой. Для дивизии Звягина, равно как и для самого полковника, это был роковой, переломный день в жизни. Дивизия Звягина должна была взять небольшой донбасский город. План взятия был разработан досконально и не сулил никаких особенных неприятностей. С наступлением темноты дивизия по всем правилам военной науки должна была начать атаку, а к утру, по всем расчетам, городок предполагалось освободить. Будучи уверенным в успехе, Звягин даже самолично выдвинулся поближе к атакующим линиям своей дивизии — чтобы, значит, образно выражаясь, въехать в город победителем на белом коне впереди собственного войска.

Но случилось то, что случилось. С самого начала атака не задалась. То ли был просчет в предварительных планах, то ли неприятель по каким-то неведомым причинам решил удержать городок во что бы то ни стало... Но первая, а

за нею и вторая атака захлебнулись. Звягин не раздумывая приказал идти в третью атаку. И вот тут-то дивизия почти в полном составе угодила в самый настоящий огневой мешок! Стреляли отовсюду: в лоб, с флангов, сверху... Не дожидаясь приказа, дивизия стала отступать. Но оказалось, что и отступить нет возможности, потому что неприятель открыл шквальный огонь и с последней, четвертой стороны. А это могло означать лишь одно — дивизия угодила в окружение.

К такому повороту полковник Звягин оказался не готов. Он не знал, какой приказ отдавать, да и кому отдавать! Где сейчас его войско? Кругом была сплошная тьма, исчерченная трассирующими пулеметными очередями, истерзанная взрывами, наполненная криками. Такая тьма несла в себе погибель, которая не разбирает, где рядовой боец, а где командир дивизии. Для нее все люди одинаковы...

Звягин находился в машине — трофейном «Хорхе». Вместе с ним там же находились еще три человека: водитель, адъютант и связистка Катя — та самая, походно-полевая жена полковника. По здравом рассуждении, Кати здесь было не место, но Звягин перед началом атаки сам себя убедил в том, что без Кати ему никак не обойтись. Уж очень ему хотелось, чтобы в тот торжественный миг, когда он будет входить в освобожденный город как победитель, Катя была рядом! Чтобы она, значит, могла видеть

воочию, каков ее любовник — храбрый и удачливый полководец и вообще герой.

Рядом с машиной один за другим раздались три взрыва. Стреляли, судя по звукам, из минометов. А коль так, то враг находился где-то совсем рядом. Минометы, как известно, далеко не стреляют. Осколки и комья мерзлой земли зашелкали и загрохотали по машине. Мотор взвыл и умолк.

— Что? — спросил Звягин у шофера, стараясь перекричать грохот взрывов и звуки выстрелов. — Что случилось?

— Не знаю! — прокричал в ответ водитель. — А, черт!.. Не заводится! Похоже, подбили нас, вот что!

— Всем покинуть машину! — приказал Звягин.

Он схватил Катю за руку и почти насильно выволок из автомобиля. Что делали в это же самое время шофер и адъютант, его не интересовало. Сейчас его волновала только собственная судьба да еще — судьба Кати.

Вывалившись из машины, Звягин тотчас же упал на землю, увлекая за собой Катю.

— Надо подальше от машины! — прокричал он. — Ползком! Не поднимая головы! В какую-нибудь воронку! Ты поняла?

И, не дожидаясь от Кати ответа, пополз. Девушка, как могла, ползла рядом. Вскоре они доползли до воронки и вдвоем в нее свалились.

— Цела? — спросил Звягин.

— Да, — испуганно ответила Катя. — Ватник вот только порвала...

Она была одета в ватник и ватные стеганные галифе. На Звягине был добротный полушубок.

— Да и черт с ним, с ватником! — ответил Звягин. — Не до него! Лежи и не высовывайся! Видишь, как стреляют!

Минуты три Катя лежала молча, затем испуганно спросила:

— А что случилось? Что происходит? Где мы?

— Черт его знает! — зло ответил Звягин. Он помолчал и добавил: — Стреляют со всех сторон! В ловушку мы угодили! Похоже, окружили нас.

— Так чего же мы здесь лежим? — спросила Катя больше удивленно, чем испуганно.

— А что нам делать, когда и головы не поднимешь? — все с той же злостью ответил Звягин.

— Надо организовать оборону, — неуверенно предложила Катя. — Командовать надо.

— Кем? — ощерился Звягин. — И как?

— Но вы же командир... Вы должны знать...

Звягин хотел что-то ответить, но не успел, потому что буквально ему на голову вдруг свалился человек. Это оказался адъютант.

— А, вот вы где! — выдохнул он. — А я уж думал, что не найду вас в этой чертовой круговерти.

— Что происходит? — спросил у адъютанта Звягин.

— Воюем, — почти спокойно ответил тот. — Слышите — стреляют? Значит, воюем... А там, вдали, слышите частую стрельбу? Думаю, это наши прорываются из окружения. Туда нам и надо. К своим.

— Да, туда... — не слишком уверенно произнес Звягин. Он осторожно выглянул из воронки и тотчас же упал на ее дно.

— Что такое? — с тревогой спросил адъютант.

Катя испуганно вскрикнула.

— Ничего, — ответил Звягин, тряся головой. — Чуть не зацепило... Вот ведь как шмаляют. Из всех видов оружия! Головы не высунешь!

— Все равно надо к своим! — упрямо повторил адъютант. — Они — там, а мы — здесь... Так не полагается.

— Сейчас, — сказал Звягин, и в его голосе ощущались и неуверенность, и тревога, и почти неприкрытый страх. — Сейчас и мы туда... Вот только перестанут по нам стрелять, и мы сразу же... А то ведь голову поднять невозможно.

— Туда нам надо! — упрямо повторил адъютант. — Немедленно! А то как же они без командира?

— Сейчас, сейчас... — повторил Звягин и не двинулся с места.

Адъютант внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он был подчиненным, ему по долгу службы полагалось находиться рядом с командиром дивизии и выполнять его приказы. Он и находился рядом, вот только никаких приказов командир дивизии не отдавал.

Вскоре стрельба почти стихла. Вдалеке, правда, по-прежнему трещали выстрелы и ахали взрывы, а вот вблизи было почти тихо.

— Товарищ полковник, — сказал адъютант. — Слышите — почти не стреляют. Значит, самый подходящий момент. Вот сейчас я разведу, что и как, и мы короткими перебежками вперед. К своим...

Он осторожно высунул голову из воронки. Но почти сразу же ее и спрятал.

— Что? — спросил у него Звягин.

— Тише! — зашипел адъютант. — Немцы!..

— Но... — недоуменно произнес Звягин.

— Тише, тише! — повторил адъютант. — Авось не заметят.

Вверху раздались шаги и речь на немецком. Замерев и стараясь не дышать, Звягин, адъютант и Катя скорчились на дне воронки. Шаги и голоса стали отдаляться. Их не заметили.

— Ну, и что теперь? — спросил адъютант больше у себя самого, чем у еще кого-то. — Куда нам теперь?

— Теперь — выбираемся наружу и пойдем, — сказал Звягин. — Пока не начало светать.

— И куда же? — спросил адъютант.

— Там будет видно, — неопределенно ответил полковник и добавил: — Конечно же, к своим. Куда же еще?

— Ну... — так же неопределенно произнес адъютант и первым выбрался из воронки. Какое-то время его не было видно и слышно, но затем сверху раздался его приглушенный голос:

— Вылезайте из этой ямы! Немцев вроде поблизости нет!

Звягин помог Кате выбраться, затем вылез сам. Девушка дрожала — то ли от холода, то ли от испуга, а может, и от того, и от другого одновременно. Не отдавая себе отчета, она попыталась подняться во весь рост.

— А вот вставать, барышня, не нужно! — Адъютант дернул Катю за руку. — Лучше ползком. Так будет надежнее. Знать бы еще, в какую сторону ползти. А, товарищ полковник? По всем приметам туда, где стреляют. Там наши.

— Но там и немцы, — сказал Звягин. — Напоремся, чего доброго... Уж лучше туда. — Он указал куда-то в сторону.

— А там что? — хмыкнул адъютант.

— А там — будет видно, — неопределенно ответил полковник Звягин.

ГЛАВА 2

Вначале они ползли, затем — передвигались пригнувшись, а далее был лесок с деревьями и густым кустарником, где можно было передвигаться во весь рост. Ночь подходила к концу, занимался тусклый февральский рассвет, и уже можно было различить лица вблизи и отдельные предметы в отдалении.

— Я больше не могу, — сказала Катя. В ее голосе слышались слезы. — Я устала.

— Привал! — выдохнул Звягин. — Кажется, здесь мы в безопасности. — И он вопросительно посмотрел на адъютанта.

Тот в ответ лишь неопределенно передернул плечами, снял с шеи автомат, еще раз повел плечами.

Катя устало опустилась на мерзлую землю, на которой почти не было снега. Звягин присел рядом. Адъютант остался стоять, осматриваясь и прислушиваясь.

— А стрельбы-то почти не слышать, — сказал он. — Тут одно из двух: либо наши все-таки вырвались из окружения, либо... А, то-